

Аполлон Николаевич Майков
(1821-1897)

* * *

В чем счастье?... В жизненном пути
Куда твой долг велит - идти,
Врагов не знать, преград не мерить,
Любить, надеяться и - верить.

1889

Пустынник

И ангел мне сказал: иди, оставь их грады,
В пустыню скройся ты, чтоб там огонь лампады,
Тебе поверенный, до срока убережь,
Дабы, когда тщету сует они познают,
Возжаждут Истины и света пожелают,
Им было б чем свои светильники возжечь.

1883

Чему нас учат небеса

Смотри, смотри на небеса,
Какая тайна в них святая
Проходит молча и сияя
И лишь настолько раскрывая
Свои ночные чудеса,

Чтобы наш дух рвался из плена,
Чтоб в сердце врезывалось нам,
Что здесь лишь зло, обман, измена,
Добыча смерти, праха, тлена,
Блаженство вечное лишь там.

1881

* * *

Когда гоним тоской неутолимой,
Войдешь во храм и станешь там в тиши,
Потерянный в толпе необозримой,
Как часть одной страдающей души;

Невольно в ней твое потонет горе,
И чувствуешь, что дух твой вдруг влился
Таинственно в свое родное море,
И заодно с ним рвется в небеса...

1857

* * *

Дорог мне, перед иконой
В светлой ризе золотой,
Этот ярый воск, возжженный
Чьей неведомо рукой.
Знаю я - свеча пылает,
Клир торжественно поет:
Чье-то горе утихает,
Кто-то слезы тихо льет,
Светлый ангел упованья
Пролетает над толпой...
Этих свеч знаменованье
Чую трепетной душой:
Это - медный грош вдовицы,
Это - лепта бедняка,
Это... может быть... убийцы
Покаянная тоска...
Это - светлое мгновенье
В диком мраке и глуши,
Память слез и умиленья
В вечность глянувшей души...

1869

Еврейские песни

1

Торжествен, светел и румян
Рождался день под небесами;
Белел в долине вражий стан
Остроконечными шатрами.
В уныньи горьком и слезах,
Я, пленник в стане сем великом,
Лежал один на камне диком,
Во власянице и в цепях.
Напрасно под покровом ночи
Я звал к себе приветный сон;
Напрасно сумрачные очи
Искали древний наш Сион...
Увы! над берегом Иордана
Померкло солнце прежних дней;
Как лес таинственный Ливана,
Храм без молитв и без огней.

2

Не слышно лютен вдохновенных,
Замолк тимпанов яркий звук,
Порвались струны лир священных -
Настало время слез и мук!
Но ты, Господь, в завет с отцами
Ты рек: «Не кину Свой народ!
Кто сеет горькими слезами,
Тот жатву радости сберет».
Когда ж, на вопль сынов унылых,
Сзовешь ко бранным знаменам
Оружеборцев молньекрылых
На месть неистовым врагам?
Когда с главы своей усталой
Израиль пепел отряхнет,
И зазвенят его кимвалы,
И с звоном арф он воспоеет?

1838, Санкт-Петербург

2

(К картине «Введение во Храм»)

Колыбель Моя качалась
У Сиона и над ней
Пальма Божия склонялась
Темной купою ветвей.

Белых лилий Идумей
Снежный венчик цвел кругом,
Белый голубь Иудеи
Реял ласковым крылом.

От чего ж тогда грущу Я,
Что готовит мне судьба ?
Все смиренно, все приму Я,
Как Господняя раба.

1840

Ангел и демон

Подъемлют спор за человека
Два духа мощные: один
Эдемской двери властелин
И вечный страж ее от века;
Другой во всем величье зла,
Владыка сумрачного мира:
Над огненной его порфирой
Горят два огненных крыла.

Но торжество кому ж уступит
В пыли рожденный человек?
Венец ли вечных пальм он купит
Иль чашу временную нег?
Господень ангел тих и ясен,
Его живет смиренность луч,
Но гордый демон так прекрасен,
Так лучезарен и могуч!

1841

* * *

Зачем средь общего волнения и шума
Меня гнетет одна мучительная дума?
Зачем не радуюсь при общих кликах я?
Иль мира торжества не праздник для меня?
Блажен, кто сохранил еще знаменовать
Обычаев отцов, их темного преданья,
Ответствовал слезой на пение псалма,
Кто, волей оторвав сомнения ума,
Святую Библию читает с умилением
И, вняв церковный звон, в ночи, с благоговеньем,
С молитвою зажег пред образом святым
Свечу заветную, и плакал перед ним.

1841

* * *

Когда гоним тоской неутешимой,
Войдешь во Храм и станешь там в тиши,
Потерянный в толпе необозримой,
Как часть одной страдающей души:
Невольно в ней твое потонет горе,
И чувствуешь, что дух твой вдруг влился
Таинственно в свое родное море,
И заодно с ним рвется в небеса.

1857

Нива

По ниве прохожу я узкою межой,
Поросший кашкою и цепкой лебедой.
Куда ни оглянись - повсюду рожь густая!
Иду - с трудом ее руками разбирая.
Мелькают и жужжат колосья предо мной,
И колют мне лицо.. Иду я наклоняясь,
Как будто бы от пчел тревожных отбиваясь,
Когда перескочив чрез ивовый плетень,
Средь яблонь в пчельнике проходишь в ясный день.

О, Божья благодать!.. О, как прилечь отрадно
В тени высокой ржи, где сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Беседу важную ведут между собой.
Им внемя, вижу я - на всем полей просторе
И жницы, и жнецы, ныряя точно в море,
Уж вяжут весело тяжелые снопы;
Вон - на заре стучат проворные цепи:
В амбарах воздух полн и розана и меда,
Везде скрипят возы; среди шумного народа
На пристанях кули валяются; вдоль реки,
Гуськом, как журавли, проходят бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая,
И длинной бичевой по влаге ударяя...

О, Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,
Но, хлебом золотя простор ее полей,
Ей также, Господи, духовного дай хлеба!
Уже над нивою, где мысли семена
Тобой посажены, повеяла весна,
И непогодами несгубленные зерна
Пустили свежие ростки свои проворно -
О, дай нам солнышка! пошли Ты ведра нам,
Чтоб вызрел их побег по тучным бороздам!
Чтоб нам, хоть опершись на внуков, стариками
Прийти на тучные их нивы подышать,
И, позабыв, что мы их полили слезами,
Промолвить: «Господи, какая благодать!»

1856

* * *

Для них свобода - что виденье...
Плывет в тумане золотом -
Они бегут за ним и в нем
Народам чают все спасенье...

Но что она, и в чем она,
Что скрыто золотым покровом, -
Ошеломленные лишь словом,
Им дела нет! Их мчит волна,

У них ни зренья нет, ни слуха,
И тщетно Распятый стоит
У всех в глазах и говорит:
«Свобода - только в царстве духа!»

Мани-факел-фарес

В диадиме и порфире,
Прославляемый как Бог,
И как Бог единый в мире,
Весь собой, на пышном пире
Наполняющий чертог. -

Вавилона, Ниневи
Царь за брашной возлежит,
Что же смолкли вдруг витии?
Смолкли звуки музикии?..
С ложа царь вскочил - глядит -

Словно светом просквозила
Наверху пред ним стена,
Кисть руки по ней ходила
И огнем на ней чертила
Странной формы письмена.

И при каждом начертанье
Блеск их ярче и сильней.
И, как в солнечном сиянье,
Тусклым кажется мерцанье
Пирных тысячи огней.

Поборов оцепененье,
Вопрошает царь волхвов,
Но волхвов бессильно рвенье,
Не дается им значенье
На стене горящих слов.

Вопрошает Даниила -
И вещает Даниил:
«В Боге - крепость царств и сила;
Длань его тебе вручила
Власть - и Им ты силен был:

Над царями воцарился,
Страх и трепет был земли, -
Но собою ты надмился, -
Сам себе ты поклонился, -
И твой час пришел. Внемли:

Эти вещие три слова...»
Нет, о Муза, нет! постой!
Что ты снова их и снова,
Так жестоко, так сурово,
Выдвигаешь предо мной!

Что твердишь: «о горе! горе!
В суете погрязший век!
Без руля, на бурном море,
Сам с собою в вечном споре,
Чем гордишься, человек?

В буйстве мнящий быти Богом,
Сам же сын Его чудес -
Иль не зришь, в киченье многом,
Над своим уж ты порогом
Слов: «мани - факел - фарес!»

1888

Гр. О.А. Г. К-й

Жизнь - достиганье совершенства,
И нам победа над собой
Едва ль не высшее блаженство
В борьбе с ветхозаветной тьмой.

1891

Завет старины

Снилось мне: по всей России
Светлый праздник - древний храм -
Звон, служенье литургии,
Блеск свечей и фимиам, -
Звон, служенье литургии,
Блеск свечей и фимиам, -

На амвоне ж, в фимиаме
Точно в облаке, стоит
Старцев сонм, и нам, во храме
Преклоненным, говорит:

«Труден в мире, Русь родная,
Был твой путь; но дни пришли -
И в свой новый век вступая,
Ты у Господа моли,

Чтоб в сынах твоих свободных
Коренилось и росло
То, что в годы бед народных,
Осенив тебя, спасло;

Чтобы ты была готова, -
Сердце чисто, дух велик, -
Стать на Судище Христово
Всем народам каждый миг;

Чтоб в вождях своих сияя
Сил духовных полнотой,
Богоносица святая,
Мир вела ты за собой

В свет - к свободе бесконечной
Из-под рабства суеты, -
На исканье правды вечной
И душевной красоты»...

1880

Из цикла «Из Аполлодора Гностика»

1. Дух века ваш кумир, а век наш - краткий миг.
Кумиры валяются в забвенье, в бесконечность...
Безумные! ужель ваш разум не постиг,
Что выше всех веков - есть Вечность!...

1877

2. Верю я в разум и Благодать Великого Духа, зову Его Богом;
В сонм неисчетных духов, вызванных Им в бытие!
Мир сотворен, чтобы им, воплощенным, в пути к совершенству,
В срочной борьбе с естеством, вящую силу принять.

3. Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог:
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог...

1878

4. Близится Вечная Ночь.. В страхе дрогнуло сердце...
Пристальней стал я глядеть в тот ужасающий мрак...
Вдруг в нем звезда проглянула, за нею другая, и третья,
И наконец засиял звездами весь небосклон.
Новая в каждой из них мне краса открывалась всечасно,
Глубже мне в душу они, глубже я в них проникал...
В каждой сказалося слово свое, и на каждое слово,
С радостью чувствовал я, отклик в душе моей есть.
Все говорили, что где-то за ними есть Вечное Солнце,
Солнце, которого свет - блеск и красу им дает...
О, как ты бледно пред Ним, юных дней моих солнце!
Как он ничтожен и пуст гимн, что мы пели тебе!

1892

5. Эпитафия (Списано с гробницы)
Здесь почивающей жребий выпал не тот, что всем людям.
Да! Умерла - и живет, и немеркнувший свет созерцает.
Вечно жива - для живых! Кто же мертвой ее почитает -
Мертв тот, поистине, сам! - О, земля! что дивишься
Новой еще для тебя этой тени? Что значит твой страх?..

1882

6. Заката тихое сиянье,
Венец безоблачного дня, -
Не ты ли нам знаменованье
Иной ступени бытия?...
Взор очарованный трепещет
Пред угасанием твоим,
Но разгорается и блещет
Все ярче звездный мир над ним...
Земного, бедного созданья
Угаснут бледные лучи, -
Но в наступающей ночи
Лишь перерыв существованья:
От уз освобожденный дух
Первоначальный образ примет
И с вечных тайн пред ним подымет
Завесу смерть - как старый друг -
И возвратит ему прозренье,
Сквозь все преграды вещества,
Во все духовное в творенье,
О чем в телесном заключенье
Он и мечтать дерзал едва.

1888

7. Катись, катися надо мной,
Все просвещающее Время!
Завесу тьмы влеки с собой
Что нам скрывает Свет святой
И на душе лежит как бремя, -
Чтобы мой дух, в земных путях
Свершив свое предназначенье,
Мог воспринять в иных мирах
И высшей Тайны откровенье.

1892

8. «Прочь идеалы!» Грозный клик!..
«Конец загробной лжи и страху!
Наш век тем славен и велик,
Что рубит в корень и со взмаху!

Мир лишь от нас спасенья ждет -
Так - без пощады! и вперед!..»
И вот, как пьяный, как спросонок,
Приняв за истину символ,
Ты рушить бросился... Ребенок!
Игрушку разломал, и зол,
Что ничего в ней не нашел!..
Ты рушишь храмы, рвешь одежды,
Сквернишь алтарь, престол, потир -
Но разве в них залог Надежды,
Любви и Веры видит мир?
Они - в душе у нас, как скрытый
Дух жизни в семени цветка -
И что тут меч твой, ржой покрытый,
И детская твоя рука!..

1889

9. Творца как Духа, постиженье,
О человек, душой твоей -
Что звезд и солнца отраженье
В великом зеркале морей!
Ты сам, пришелец в сей юдоли
Ты - тоже дух, созданный Им,
И даром разума и воли
Стоишь как царь над всем земным.
Свободен ты - но над тобою
Есть Судия. В дни ветхой тьмы
Он налетал огнем, войною,
Как гром, как трус, как дух чумы...
Его лица, ни даже тени,
Никто из смертных не видал, -
И лишь костями поколений
В пустыне путь Его сверкал...

Теперь - не то...

Неслышный входит. Весь - сиянье.
С крестом, поправшим смерть и тлен;
В раскрытой книге - начертанье
Святых евангельских письмен;
Глубокий взор помалу светом
Охватит внутрь всего тебя,
И ты, прозрев во свете этом,
Осудишь сам уже себя,
И сам почувешь, что в паденье
Твоей мятущейся души
Одно ей жизнь и воскресенье -
Его: «Иди и не гречи!»

1889

* * *

Из бездны Вечности, из глубины Творенья,
На жгучие твои запросы и сомненья
Ты, Смертный, требуешь ответа в тот же миг,
И плачешь, и клянешь ты Небо в озлобленье,
Что не отвечает на твой душевный крик...
А Небо на тебя с улыбкою взирает,
Как на капризного ребенка смотрит мать,
С улыбкой - потому, что все, все тайны знает,
И знает, что тебе еще их рано знать!

1892

10. Аскет! Ты некогда в пустыне,
Перед величьем божества,
Изрек, восторженный, и ныне
Еще не смолкшие слова:
«Жизнь эта - сон и сновиденье,
Мираж среди нагих песков,
Лишь в смерти - полное забвенье
Всей этой лжи, успокоенье,
Сон в лоне Бога - и без снов».

Ты прав, мудрец; все в мире тленье,
Все в людях ложь... Но что-нибудь
Да есть же в нас, что жаждет света,
Чему вся ложь противна эта,
Что рвется в Вечность проглянуть...
На все моленья без ответа,
Я знаю, Время мимо нас
Несет события, поколенья
Подымет нас в своем стремленье
И в бездну бросит тот же час;

Я - жертва в плоть и до могилы
Всей этой бешеной игры, -
Ничто пред Разумом и Силой,
В пространство бросившей миры, -
Но говорит мне тайный голос,
Что не вотще душа моя
Здесь и любила, и боролась:
В ней есть свое живое я!
И жизнь - не сон, не сновиденье,
Нет! Это пламенник святой
Мне озаривший на мгновенье
Мир и небесный, и земной,
И смерть - не миг уничтоженья
Во мне того живого я,
А новый шаг, и восхожденье
Все к высшим сферам бытия!

1893

Из цикла «Дочери»

* * *

Новая, светлая звездочка
В сумрак души моей глянула!
Это она, моя девочка!
В глазках ее уже светится
Нечто бессмертное, вечное,
Нечто, сквозь мир сей вещественный,
Дальше и глубже глядящее...

1856

* * *

Выше, выше в поднебесной
Возлетай, о мой орел,
Чтобы мир земной и тесный
Весь из глас твоих ушел!

Вознесися в те селенья,
Где, как спящие мечты,
Первообразы творенья
В красоте их чистоты, -

В светлый мир, где пребыванье
Душ, как создал их Господь,
Душ, не ведавших изгнанья
В человеческую плоть!

1887

* * *

Зачем предвечных тайн святыни
В наш бранный образ облекать,
И вымыслом небес пустыни,
Как бедный мир наш, населять?

Зачем давать цвета и звуки
Чертам духовной красоты?
Зачем картины вечной муки
И рая пышные цветы?

Затем, что смертный подымает
Тогда лишь взоры к небесам,
Когда там радуга сияет
Его восторженным очам...

1887

* * *

Смерть есть тайна, жизнь - загадка:
Где ж решенье? цель? конец?
Впереди - исчезновенье -
Иль бессмертия венец?

1889

Ангел

У ног Спасителя вселенной
Его Святая Мать стоит,
И Ангел, светом озаренный,
На Искупителя глядит.

Всех херувимов он прекрасней
И всех архангелов светлей;
Венец его блестит всех ярче
Сияньем солнечных лучей.

Но он безмолвен... Песнь святую
В небесном хоре не поет,
И Богу трепетной рукою
Святую чашу подает.

В той чаше слезы покаянья
Всех согрешивших на земле,
Но сохранивших упованье
В своей измученной душе.

«Прощенье» - имя серафима,
Он слезы грешников хранит
И с чашей той у ног Христовых
Безмолвно день и ночь стоит.

* * *

Пир у вас и ликованья:
Храм разбит... Но отчего,
В блеске лунного сиянья,
Не пройдёшь без содроганья
Ты пред остовом его?

Отчего же ты, смущённый
Пред безмолвием небес,
Хоть из пропасти бездонной,
Силы темной, безымённой,
Ждёшь явлений и чудес?

* * *

Поэзия - венец познания,
Над злом и страстью торжество;
Тебе в ней свет на всё создание,
В ней - божество!

Её сияние святое
Раз ощутив - навек забыть
Всё мимолётное, земное,
Лишь ею жить.

Одно лишь сознавать блаженство,
Что в дух твой глубже всё идёт
И полнота, и совершенство
Её красот...

И вот уж он - проникнут ею...
Остался миг - совсем прозреть:
Там - вновь родиться, слившись с нею,
Здесь - умереть!

1889

Октава

Гармонии стиха Божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов:
У берега сонных вод, один бродя, случайно,
Прислушайся душой к шептанью тростников,
К дубравы говору. Их звук необычайный
Прочувствуй и пойми... В созвучии стихов
Неволью с уст твоих размерные октавы
Польются, звучные, как музыка дубравы.

1841

* * *

Куда б ни шёл шумящий мир,
Что б разум будничный ни строил,
На что б он хор послушных лир
На всех базарах ни настроил, -
Поэт, не слушай их. Пускай
Растёт их гам, кипит работа, -
Они все в Книге Жизни - знай -
Пойдут не дальше переплёта!
Святые тайны Книги сей
Раскрыты вещему лишь оку:

Бог открывался Сам пророку,
Его ж, с премудростью своей,
Не видел гордый фарисей.
Им только видимость - потреба,
Тебе же - сущность, тайный смысл;
Им - только ряд бездушных числ,
Тебе же - бесконечность неба,
Задача смерти, жизни цель -
Неразрешимые досель,
Но уж и в чаемом решенье,
Уже в предчувствии его
Тебе дающие прозренья
В то, что для духа - вещество
Есть только форма и явленье.

1888

Христос воскрес!

Повсюду благовест гудит,
Из всех церквей народ валит.
Заря глядит уже с небес...
Христос воскрес! Христос воскрес!

С полей уж снят покров снегов,
И реки рвутся из оков,
И зеленеет ближний лес...
Христос воскрес! Христос воскрес!

Вот просыпается земля,
И одеваются поля,
Весна идет, полна чудес!
Христос воскрес!
Христос воскрес!

Христос воскресе!

Под солнцем вьются жаворонки,
Поют: Христос воскресе!
По всем кустам малиновки
Поют: Христос воскресе!
Во все окошки ласточки
Кричат: Христос воскресе!
Сердца у дев и юношей
Поют: Христос воскресе!
И всем в ответ могилушки:
Воистину Воскресе!

Единое благо

Печальный кипарис, холодный мох забвенья,
В земле сокрытый гроб, и в гробе этом тленье:
Вот каждого удел за жизненной тропой!
Прах внидет снова в прах; пловец к стране родной
Причалит, и душа в отчизну возвратится,
И в двери райские к ночлегу постучится...
Блажен, кого тогда небесный серафим
Приосенит крылом приветливо своим,
И двери отопрет, и тот пришлец усталый
Блеснет в ряду лучей зари, от века алой!

1837, Санкт-Петербург

Горы

Люблю я горные вершины.
Среди небесной пустоты
Горят их странные руины,
Как недоконченны мечты
И думы Зодчего природы.
Там недосозданные своды,
Там великана голова
И неизваянное тело,
Там пасть разинутая льва,
Там профиль девы онемелый...

1841

Савонарола

В столице Медичи счастливой
Справлялся странный карнавал.
Все в белом, с ветвию оливы,
Шли девы, юноши; бежал
Народ за ними; из собора,
Под звук торжественного хора,
Распятые иноки несли
И стройно со свечами шли.
Усыпан путь их был цветами,
Ковры висели из окон,
И воздух был колоколами
До гор далеких потрясен.

Они на площадь направлялись,
Туда ж по улицам другим,
Пестрея, маски собирались
С обычным говором своим:

Паяц, и, с лавкой разных склянок,
На колеснице шарлатан,
И гранд, и дьявол, и султан,
И Вакх со свитою вакханок.
Но, будто волны в берегах,
Вдруг останавливались маски
И прекращались смех и пляски:
На площади, на трех кострах,
Монахи складывали в груды
Всё то, что тешит резвый свет
Приманкой неги и сует.
Тут были жемчуг, изумруды,
Великолепные сосуды,
И кучи бархатов, парчей,
И карт игральных, и костей,
И сладострастные картины,
И бюсты фавнов и сирен,
Литавры, арфы, мандолины,
И ноты страстных кантилен,
И кучи масок и корсетов,
Румяна, мыла и духи,
И эротических поэтов
Соблазна полные стихи...
Над этой грудой стояло,
Верхом на маленьком коньке,
Изображенье карнавала —
Паяц в дурацком колпаке.

Сюда процессия вступила.
На помост встал монах седой,
И чудно солнцем озарило
Его фигуру над толпой.
Он крест держал, главу склоняя
И указуя в небеса...
В глубоких впадинах сверкая,
Его светилися глаза;
Народ внимал ему угрюмо
И рвал бесовские костюмы,
И, маски сбросивши тайком,
Рыдали женщины кругом.
Монах учил, как древле жили
Общины первых христиан.
«А вы, — сказал, — вы воскресили
Разбитый ими истукан!

Забыли в шуме сатурналий
Молчанье строгое постов!
Святую Библию отцов
На мудрость века променяли;
Пустынной манне предпочли
Пиры египетской земли!

До знаний жадны, верой скупы,
Понять вы тщитесь бытие,
Анатомируете трупы —
А сердце знаете ль свое?..
О Матерь Божия! Тебя ли,
Мое прибежище в печали,
В чертах блудницы вижу я!
С блудниц художник маловерный
Чертит, исполнен всякой скверны,
И выдает вам за Тебя!..
Разврат повсюду лицемерный!
Вас тешит пестрый маскарад —
Бес ходит возле каждой маски
И в сердце вам вливает яд.
В вине, в науке, в женской ласке
Вам сети ставит хитрый ад,
И, как бессмысленные дети,
Вы слепо падаете в сети!..
Пора! Зову я вас на брань.
Из-за трапезы каждый встань,
Где бес пирует! Бросьте яству!
Спешите! Пастырю во длань
Веду вернувшуюся паству!
Здесь искупление грехам!
Проклятье играм и костям!
Проклятье льстивым чарам ада!
Проклятье мудрости людской,
В которой овцы Божья стада
Теряют веру и покой!
Господь, услышь мои моления:
В сей день великий искупленья
Свои нам молнии пошли
И разрази тельца златого!
Во имя чистое Христово
Весь дом греха испепели!»

Умолк — и факелом зажженным
Взмахнул над праздничным костром;
Раздался пушек страшный гром;
Сливаясь с колокольным звоном,
Те Deum¹ грянул мрачный хор;
Столбом встал огненный костер.
Толпы народа оробели,
Молились, набожно глядели,
Святого ужаса полны,
Как грозно пирамидой жаркой
Трещали, вспыхивали ярко
Изобретенья Сатаны
И как фигура карнавала —
Его колпак и детский конь —

---

¹ Te Deum — Тебя, Бога (хвалим) (лат.)

Качалась, тлела, обгорала
И с шумом рухнула в огонь.

Прошли года. Монах крутой,
Как гений смерти, воцарился
В столице шумной и живой —
И город весь преобразился.
Облекся трауром народ,
Везде вериги, власяница,
Постом измученные лица,
Молебны, звон да крестный ход.
Монах как будто львиной лапой
Толпу угрюмую сжимал,
И дерзко ссорился он с папой,
В безверьи папу уличал...
Но с папой спорить было рано:
Неравен был строптивый спор,
И глав венчаных Ватикана
Еще могуч был приговор...
И вот опять костер багровый
На той же площади пылал;
Палач у виселицы новой
Спокойно жертвы новой ждал,
И грозный папский трибунал
Стоял на помосте высоком.
На казнь монахов привели.
Они, в молчании глубоком,
На смерть, как мученики, шли.
Один из них был тот же самый,
К кому народ стекался в храмы,
Кто отворял свои уста
Лишь с чистым именем Христа;
Христом был дух его напитан,
И за Него на казнь он шел;
Христа же именем прочитан
Монаху смертный протокол,
И то же имя повторяла
Толпа, смотря со всех сторон,
Как рухнул с виселицы он,
И пламя вмиг его объяло,
И, задыхаясь, произнес
Он в самом пламени: «Христос!»

Христос, Христос, — но, умирая
И по следам Твоим ступая,
Твой подвиг сердцем возлюбя,
Христос! он понял ли Тебя?
О нет! Скорбящих утешая,
Ты чистых радостей не гнал

И, Магдалину возрождая,
Детей на жизнь благословляя!
И человек, в Твоем ученье
Познав себя, в Твоих словах
С любовью видит откровенье,
Чем может быть он свят и благ...
Своею кровью жизни слово
Ты освятил, — и возросло
Оно могуче и светло;
Доминиканца ж лик суровый
Был чужд любви — и сам он пал
Бесплодной жертвою. . . . .
. . . . .

1851

Филантропы

Они обедали отлично:
Тепло вращается их кровь,
И к человеку безгранично
Их разгорелась любовь.

Они - и мухи не погубят!
И - дай Господь им долги дни! -
Мне даже кажется, что любят
Друг друга искренно они!

Октябрь 1853

Клермонтский собор¹

Не свадьбу праздновать, не пир,
Не на воинственный турнир
Блеснуть оружием и конями
В Клермонт нагорный притекли
Богатыри со всей земли.
Что луг, усеянный цветами,
Вся площадь, полная гостей,
Вздымалась массою людей,
Как перекатными волнами.
Луч солнца ярко озарял
Знамена, шарфы, перья, ризы,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпур, и металл.
Под златотканым балдахином,
Средь духовенства властелином

---

¹ Клермонтский собор - церковный собор, созванный папой римским Урбаном II в 1095 году городе Клермон, на котором Папа призвал собравшихся отправиться на Восток и освободить Иерусалим от владычества мусульман, обещав участникам крестового похода отпущение грехов, освобождение от долгов и т. п.

В тиаре папа восседал.
У трона - герцоги, бароны
И красных кардиналов ряд;
Вокруг их - сирых обороны -
Толпою рыцари стоят:
В узорных латах итальянцы,
Тяжелый шваб, и рыжий бритт,
И галл, отважный сибарит,
И в шлемах с перьями испанцы;
И, отдален от всех, старик,
Державший свергнуть папства узы:
То обращенный еретик
Из фанатической Тулузы;
Здесь строй норманнов удалых,
Как в масках, в шлемах пудовых,
С своей тяжелой алебардой...
На крыши взгромоздясь, народ
Всех поименно их зовет:
Всё это львы да леопарды,
Орлы, медведи, ястреба, -
Как будто грозные прозванья
Сама сковала им судьба,
Чтоб обессмертить их деянья!
Над ними стайей лебедей,
Слетевших на берег зеленый,
Из лож кругом сияют жены,
В шелку, в зубчатых кружевах,
В алмазах, в млечных жемчугах.
Лишь шепот слышится в собраньи.
Необычайная молва
Давно чудесные слова
И непонятные сказанья
Носила в мире. Виден крест
Был в небе. Несся стон с востока.
Заря кровавого потока
Имела вид. Меж бледных звезд
Как человеческое было
Лицо луны, и слезы лило,
И вокруг клубился дым и мгла...
Чего-то страшного ждала
Толпа, внимать готовясь Богу,
И били грозную тревогу
Со всех церквей колокола.

Вдруг звон затих - и на ступени
Престола папы преклонил
Убогий пилигрим колени;
Его с любовью осенил
Святым крестом первосвященник;
И, помоляся небесам,
Пустынный говорил к толпам:

«Смиранный нищий, беглый пленник
Пред вами, сильные земли!
Темна моя, ничтожна доля;
Но движет мной иная воля.
Не мне внимайте, короли:
Сам Бог, державствующий нами,
К моей склонился нищете
И повелел мне стать пред вами,
И вам в сердечной простоте
Сказать про плен, про те мученья,
Что испытал и видел я.
Вся плоть истерзана моя,
Спина хранит следы ремня,
И язв нету исцеленья!
Взгляните: на руках моих
Оков кровавые запястья.
В темницах душных и сырых,
Без утешенья, без участия
Провел я юности лета;
Копал я рвы, бряцая цепью,
Влачил я камни знойной степью
За то, что веровал в Христа!
Вот эти руки... Но в молчанье
Вы потупляете глаза;
На грозных лицах состраданья,
Я вижу, катится слеза...
О, люди, люди! язвы эти
Смутили вас на краткий час!
О, впечатлительные дети!
Как слезы дешевы у вас!
Ужель, чтоб тронуть вас, страдальцам
К вам надо нищими предстать?
Чтоб вас уверить, надо дать
Ощупать язвы вашим пальцам!
Тогда лишь бедствиям земным,
Тогда неслыханным страданиям,
Бесчеловечным истязаньям
Вы сердцем внемлете своим!..
А тех страдальцев миллионы,
Которых вам не слышны стоны,
К которым мусульманин злой,
Что к агнцам трепетным, приходит
И беспрепятственно уводит
Из них рабов себе толпой,
В глазах у брата душит брата,
И неродившихся детей
Во чреве режет матерей,
И вырывает для разврата
Из их объятий дочерей...
Я видел: бледных, безоружных

Толпами гнали по пескам,
Отсталых старцев, жен недужных
Бичом стегали по ногам;
И турок рыскал по пустыне,
Как перед стадом гуртовщик,
Но миг - мне памятный донине,
Благословенный жизни миг,
Когда, окованным, средь дыма
Прозрачных утренних паров.
Предстали нам Ерусалима
Святые храмы без крестов!
Замолкли стоны и тревога,
И, позабывши прах и тлен,
Восславословили мы Бога
В виду сионских древних стен,
Где ждали нас позор и плен!
Породнены тоской, чужбиной,
Латинец с греком обнялись;
Все, как сыны семьи единой,
Страдать безропотно клялись.
И грек нам дал пример великий:
Ерея, певшего псалом,
С коня спрыгнувши, турок дикий
Ударил взвизгнувшим бичом -
Тот пел и бровию не двинул!
Злодей страдальца опрокинул
И вырвал бороду его...
Рванули с воплем мы цепями, -
А он Евангелья словами
Господне славил торжество!
В куски изрубленное тело
Злодеи побросали в нас;
Мы сохранили их всецело,
И, о душе его молясь,
В темнице, где страдали сами,
Могилу вырыли руками,
И на груди святой земли
Его останки погребли.

И он не встанет ведь пред вами
Вам язвы обнажить свои
И выпросить у вас слезами
Слезу участия и любви!
Увы, не разверзают гробы
Святые жертвы адской злобы!
Нет, и живое не придет
К вам одноверцев ваших племя -
Христу молящийся народ;
Один креста несет он бремя,
Один он терн Христов несет!
Как раб евангельский, изранен,

В степи лежит, больной, без сил...
Иль ждете вы, чтоб напоил
Его чужой самаритянин,
А вы, с кошницей яств, бойцы,
Пройдете мимо, как слепцы?
О нет, для вас еще священны
Любовь и правда на земле!
Я вижу ужас вдохновенный
На вашем доблестном челе!
Восстань, о воинство Христово,
На мусульман войной суровой!
Да с громом рушится во прах -
Созданье злобы и коварства -
Их тяготеющее царство
На христианских раменах!
Разбейте с чад Христа оковы,
Дохнуть им дайте жизнью новой,
Они вас ждут, чтоб вас обнять,
Край ваших риз облобызать!
Идите! Ангелами мщенья,
Из храма огненным мечом
Изгнав неверных поколенья,
Отдайте Богу Божий дом!
Там благодарственные псалмы
Для вас народы воспоют,
А падшим - мучеников пальмы
Венцами ангелы сплетут!..»

Умолк. В ответ как будто грома
Перекатились в горах -
То клик один во всех устах:
«Идем, оставим жен и дома!»
И в умилении святом
Вокруг железные бароны
В восторге плакали, как жены;
Враг лобызался со врагом;
И руку жал герой герою,
Как лев косматый, алча бою;
На общий подвиг дамы с рук
Снимали золото и жемчуг;
Свой грош и нищие бросали;
И радость всех была светла -
Ее литавры возвещали
И в небесах распространяли
Со всех церквей колокола.

Вот так латинские народы,
Во имя братства и любви,
Шли в отдаленные походы.

Кипела доблесть в их крови.
Иуде чуждая и Крезам,
Лишь славолюбием дыша,
Под этой сталью и железом
Жила великая душа,
И ею созданные люди
На нас колоссами глядят,
Которых каменные груди
Ни меч, ни гром не сокрушат.
Тогда в ряды священной рати
Не ополчались мы войной.
Отдельно, далеко от братии,
Вели мы свой крестовый бой,
Уж недра Азии бездонной,
Как разгоравшийся вулкан,
К нам слали чад своих миллионы:
Дул с степи жаркий ураган,
Металась степь, как океан, -
Восток чреват был Чингисханом!
И Русь одна тогда была
Сторожевым Европы станом,
И уж за веру кровь лила...
Недолго рыцарей глубоко
Так трогал клик: «Иерусалим!»
Стон христианского Востока
Всё глуше становился им!
Россия гибла: к христианам
Взывала воплями она;
Но, как Иосиф агарянам,
Была от братьев продана!
Упала с громом Византия;
Семья славянских царств за ней;
Столпы сложились костяные
Из черепов богатырей;
За честь Евангеля Христова
Сыны Людовика Святого
Уж выручать не шли Царьград.
От брата отшатнулся брат...
Мы - крестоносцы от начала!
Орда рвала нас по клочкам,
Нас жгла, - но лучше смерть, чем срам;
Страдальцев кровью возростала
И крепла Русь; как мститель встала
И, верная себе, идет
В обетованный свой поход.
За что же западные братья.
Забыв свой подвиг прежних лет,
Ей шлют безумные проклятья,
Как скрежет демонов во след?
За что ж с тоскою и заботой
На нас они, косясь, глядят?

За что ж на нас идут их флоты
И нам погибелью грозят?
За что ж?.. За то, что мы созрели,
Что вдруг в учениках своих
Они совместников узрели;
Что то не шутка: между них
Мы смело требуем гражданства!
Мы не пришельцы - зиждем храм,
Еще неведомый векам;
На необъятное пространство
Фундамент вывели; пред ним
Бледнеют древние державы, -
И новых сил, и новой славы
Младое солнце страшно им!
Докончить храм - в нас есть отвага,
В нас вера есть, в нас сила есть,
Все для него земные блага
Готовы в жертву мы принести...
За то, что нам пришлось на долю
Свершить, что Запад начинал;
Что нас отныне Бог избрал
Творить Его святую волю;
Что мы под знаменем креста
Не лицемерим, не торгуем,
И фарисейским поцелуем
Не лобызаем мы Христа...
И, может быть, враги предвидят,
Что из России ледяной
Еще невиданное выйдет
Гигантов племя к ним грозой,
Гигантов - с ненасытной жаждой
Бессмертья, славы и добра,
Гигантов - как их мир однажды
Зрел в грозном образе Петра.

1853

Последние язычники

Когда в челе своих дружин
Увидел крест животворящий
Из царской ставки Константин
И пал пред Господом, молящий, -

Смутились старые вожди,
Столпы языческого мира...
Они, с отчаяньем в груди,
Встают с одра, встают от пира,

Бегут к царю, вопят: «О царь!
Ты губишь всё - свою державу,
И государство, и алтарь,
И вечный Рим, и предков славу!

Пред Кем ты пал? Ведь то рабы!
И их ты слушаешь, владыко!
И утверждаешь царств судьбы
На их ты проповеди дикой!

Верь прозорливости отцов!
Их распинать и жечь их надо!
Не медли, царь, скорей оков!
Безумна милость и пощада!»

Но не внимал им Константин,
Виденьем свыше озаренный,
И поднял стяг своих дружин,
Крестом Господним осененный.

В негодованьи цепь с орлом
Трибуны с плеч своих сорвали,
И шумно в груды пред царем
Свое оружие побросали -

И разошлись...

Победил

К Христу прибегший император!
И пред Распятым преклонил
Свои колена триумфатор.

И повелел по городам
С сынов Христа снимать оковы,
И строить стал за храмом храм,
И словеса читать Христовы.

Трибуны старые в домах
Сидели, злобно ожидая,
Как, потрясенная, во прах
Падет империя родная.

Они сбিরались в древний храм
Со всех концов на годовщину
Молиться дедовским богам.
Пророча гибель Константину.

Но время шло. Их круг редел,
И гасли старцы друг за другом...
А над вселенной крест горел,
Как солнца луч над вешним лугом.

Осталось двое только их.
Храня обет, друг другу данный,
Они во храм богов своих
Сошлись, розами венчанны.

Зарос и треснул старый храм;
Кумир поверженный валялся;
Из окон храма их очам
Константинополь открывался:

Синел Эвксин, блестел Босфор;
Вздымались куполы цветные;
Там - на Вселенский шли собор
Ерархи, иноки святые;

Там - колесницы, корабли...
Под твердью неба голубою
Сливался благовест вдали
С победной воинской трубою...

Смотрели молча старики
На эту роскошь новой славы,
Полны завистливой тоски,
Стыдясь промолвить: «Мы не правы».

Давно уж в мире без утех
Свой век они влачили оба;
Давно смешна была для всех
Тупая, старческая злоба...

Они глядят - и ждет их взор:
Эвксин на город не прорвется ль?
Из-за морей нейдет ли мор?
Кругом земля не пошатнется ль?

Глядят, не встанет ли кумир...
Но олимпиец, грудью в прахе,
Лежит недвижим, нем и сир,
Как труп пред палачом на плахе.

Проклятья самые мертвы
У них в устах... лишь льются слезы,
И старцы с дряхлой головы
Снимают молча плющ и розы...

Ушли... Распятие в пути
На перекрестке их встречает...
Но нет! не поняли они,
Что Божий Сын и их прощает.

Вихрь

(Отрывок)

Полн черных дум, я в поле проходил,
И вдруг, среди истомы и тревоги,
Неистовым настигнут вихрем был.

Средь тучи пыли, поднятой с дороги,
Древесные кружились листы,
Неслись снопы, разметанные стоги,

Деревьев ветви, целые кусты.
Стада, блея и головы понуря,
Помчались; рев и вой средь темноты

Такой поднялся, что, глаза зажмуря,
Я побежал и думал, что разбить
Иль вымести хотела землю буря.

Мгновенно дум моих порвалась нить.
Попавши в круть и силяся напрасно
Запорошенные глаза открыть,

Я вспомнил Дантов адский вихрь ужасной,
Который гнал, крутя, как лист в лугу.
Теней погибших вечно сонм злосчастной.

И что же? Вдруг я слышу на бегу,
Что не один я схвачен адской кручей
И волочусь в безвыходном кругу.

На миг открыв глаза, сквозь вихорь жгучий
Я множество узрел голов и лиц.
Одежд, как парус бившихся летучий,

Взбесившихся коней, в пыли возниц,
Детей и женщин, подымавших руки
Из-под колес разбитых колесниц.

Лишь по устам, открытым в страшной муке,
Я понимал, что все они вопят,
Но вихорь вырывал из уст их звуки,

И мчал он их, как щепки водопад...
Я вдруг попал в затишье за скалою,
И провожать бегущих мог мой взгляд.

И видел я: тяжелою стопою,
Как мчатся в страхе по полю быки
И между них телята - хвост строкою, -

Бежали юноши и старики.
Над ними вихрь кружил листы бумаги
И рвал с голов седые парики...

Педантов вмиг узнал я в сей ватаге:
Их жалкий круг когда-то охранял
Наук святыню и, в слепой отваге,

Дорогу к ней народу преграждал...
За ними вслед - исчадь канцелярий -
Дельцов, пройдох печальный сонм бежал...

Тут были мопсов морды, волчьи хари,
И головы ушастых лошаков,
И Зевс миров подъяческих, и парий.

Их точно гнал незримый рой бесов.
Один толстяк упал, изнемогая,
Но вихрь его, средь пыльных облаков,

То вниз, то вверх кидал, как мяч швыряя;
Другому же блудница на плеча
Повисла, как вампир, его кусая:

Он бил ее, зубами скрежеща...
За ними дам толпы, в наряде бальном,
В венках из роз, в гирляндах из плюща,

Как будто плыли в вальсе музыкальном,
Подобные летящим лебедям
Над синей степью к озерам зеркальным,

И франтов рой бежал по их следам,
Толкаяся и руки простирая
За улетающей толпою дам,

Так спугнутых домашних уток стая
Бежит по пруду, шлепая крылом
И взвиться в воздух силы напрягая...

Но вихорь стал еще сильнее потом,
Опять толпы помчались в урагане,
Как армии в дыму пороховом.

Как в разноцветном, огненном фонтане,
И голубых и алых лент цвета
Передо мной мелькали, как в тумане.

Я чувствовал: страшна та высота,
С которой вихрь низвергнул сих несчастных...
Но вдруг, смотрю, яснее темнота,

И пыли столб, и с ним толпа безгласных
И жалких жертв в клубящемся песке,
Весь просиял в отливах света красных,

И в белой ризе, крест держа в руке,
Маститый старец стал перед толпами,
Как каменный утес в упор реке.

Он вопиял: «Покайтесь!» - и перстами
Указывал на город... Я взглянул -
И онемел... Огонь, клубясь волнами,

Над городом всё небо обогнул.
Из дыма искры сыпались, как семя
От веяла, - и вдруг, сквозь треск и гул,

С небес раздался глас: «Приспело время!
Се Тот, Кого забыли вы! Долой,
О блудное и ветреное племя!»

Я в ужасе упал полуживой.

1856

Мадонна

Стою пред образом Мадонны:
Его писал монах святой,
Старинный мастер, не ученый;
Видна в нем робость, стиль сухой;

Но робость кисти лишь сугубит
Величье Девы; так Она
Вам сострадает, так вас любит,
Такою благостью полна,

Что веришь, как гласит преданье,
Перед художником святым
Сама Пречистая в сиянье
Являлась, видима лишь им...

Измучен подвигом духовным,
Постом суровым изнурен.
Не раз на помосте церковном
Был поднят иноками он, -

И, призван к жизни их мольбами,
Еще глаза открыть боясь,
Он братью раздвигал руками
И шел к холсту, душой молясь.

Брался за кисть, и в умиление
Он кистью то изображал,
Что от небесного виденья
В воспоминаньи сохранял, -

И слезы тихие катились
Вдоль бледных щек... И, страх тая,
Монахи вокруг него молились
И плакали - как плачу я...

1859

Флоренция

Приговор

(Легенда о Констанцском соборе)

На соборе на Констанцском
Богословы заседали:
Осудив Иоганна Гуса,
Казнь ему изобретали.

В длинной речи доктор черный,
Перебрав все истязанья.
Предлагал ему соборно
Присудить колесованье;

Сердце, зла источник, кинуть
На съеденье псам поганым,
А язык, как зла орудье,
Дать склевать нечистым вранам;

Самый труп предать сожженью,
Наперед прокляв трикраты,
И на все четыре ветра
Бросить прах его проклятый...

Так, по пунктам, на цитатах,
На соборных уложениях,
Приговор свой доктор черный
Строил в твердых заключеньях;

И, дивясь, как всё он взвесил
В беспристрастном приговоре,
Восклицали: «Bene, bene!»¹ -
Люди, опытные в споре,

---

¹ «Хорошо, хорошо!» (лат.).

Каждый чувствовал, что смута
Многих лет к концу приходит
И что доктор из сомнений
Их, как из лесу, выводит...

И не чаяли, что тут же
Ждет еще их испытанье...
И соблазн великий вышел!
Так гласит повествованье:

Был при кесаре в тот вечер
Пажик розовый, кудрявый;
В речи доктора не много
Он нашел себе забавы;

Он глядел, как мрак густеет
По готическим карнизам,
Как скользят лучи заката
Вкруг по мантиям и ризам,

Как рисуются на мраке,
Красным светом облитые,
Ус задорный, череп голый,
Лица добрые и злые...

Вдруг в открытое окошко
Он взглянул и - оживился;
За пажом невольню кесарь
Поглядел - развеселился,

За владыкой - ряд за рядом,
Словно нива от дыханья
Ветерка, оборотилось
Тихо к саду всё собранье:

Грозный сонм князей имперских,
Из Сорбонны депутаты,
Трирский, Люттихский епископ,
Кардиналы и прелаты,

Оглянулся даже папа!
И суровый лик дотол
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился поневоле;

Сам оратор, доктор черный,
Начал путаться, сбиваться,
Вдруг умолкнул и в окошко
Стал глядеть и - улыбаться!

И чего ж они так смотрят?
Что могло привлечь их взоры?
Разве небо голубое?
Или розовые горы?

Но - они таят дыханье
И, отдавшись сладким грезам,
Точно следуют душою
За искусным виртуозом...

Дело в том, что в это время
Вдруг запел в кусту сирени
Соловей пред темным замком,
Вечер праздная весенний;

Он запел - и каждый вспомнил
Соловья такого ж точно,
Кто в Неаполе, кто в Праге,
Кто над Рейном, в час урочный,

Кто - таинственную маску,
Блеск луны и блеск залива.
Кто - трактиров швабских Гебу,
Разливательницу пива...

Словом - всем пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотые грезы счастья,
Золотые дни свободы...

И - история не знает,
Сколько длилось молчанье
И в каких странах витали
Души черного собранья...

Был в собраньи этом старец,
Из пустыни вызван папой
И почтен за строгость жизни
Кардинальской красной шляпой, -

Вспомнил он, как там, в пустыне,
Мир природы, птичек пенье
Укрепляли в сердце силу
Примиренья и прощенья, -

И, как шепот раздается
По пустой, огромной зале,
Так в душе его два слова:
«Жалко Гуса», - прозвучали;

Машинально, безотчетно
Поднялся он и, объятая
Всем присущим открывая,
Со слезами молвил: «Братья!»

Но, как будто перепуган
Звуком собственного слова,
Костылем ударил об пол
И упал на место снова.

«Пробудитесь, - возопил он,
Бледный, ужасом объятый, -
Дьявол, дьявол обошел нас!
Это глас его, проклятый!..»

Каюсь вам, отцы святые!
Льстивой песнью обаянный,
Позабыл я пребыванье
На молитве неустанной -

И вошел в меня нечистый! -
К вам простер мои объятая,
Из меня хотел воскликнуть:
«Гус невинен». Горе, братья!..»

Ужаснулося собрание,
Встало с мест своих, и хором
«Да воскреснет Бог» запело
Духовенство всем собором, -

И, очистив дух от беса
Покаяньем и проклятьем,
Все упали на колени
Пред серебряным распятьем, -

И, восстав, Иоганна Гуса,
Церкви Божьей во спасенье,
В назиданье христианам,
Осудили - на сожженье...

Так святая ревность к вере
Победила ковы ада!
От соборного проклятья
Дьявол вылетел из сада,

И над озером Констанцским,
В виде огненного змея,
Пролетел он над землю,
В лютой злобе искры сея.

Это видели: три стража,
Две монахини-старушки
И один констанцкий ратман,
Возвращавшийся с пирушки.

1859

Песни

У ворот монастыря
Пел слепец перед толпою,
Прямо в солнце взор вперя,
Взор, покрытый вечной тьмою.

Слеп рожден, весь век в нужде,
Пел он песнь одну и ту же,
Пел о Страшном он Суде,
Пел о Злом и Добром Муже.

Чужд живущему всему;
Только славя суд Господний,
Населял свою он тьму
Лишь страстями преисподней

Точно слышал он во мгле
Вздохи, плач и скрежет зубный,
Огонь, текущий по земле,
И по небу голос трубный,

И напев его гудел
Далеко трубою медной,
И невольно вкруг робел
Стар и млад, богач и бедный.

Кончил старец; а народ
Всё вокруг стоит в молчанье;
Всех томит и всех гнетет
Мысль о страшном покаянье...

Только вдруг из кабака
Скоморох идет красивый.
Выбирая трепака
На гармонике визгливой;

Словно ожил вдруг народ,
Побежал за ним гурьбою...
Смех и пляски - в полный ход!
И слепец забыт толпою.

Возроптали старики:
«Эка дьявольская прелесть!
Сами лезут, дураки,
Змею огненному в челюсть!»

Слышит ропот их слепец:
- «Не судите, - молвит, - строго!
Благ - Небесный наш Отец:
Смех и слезы - всё от Бога!

От Него - и скорбный стих,
От Него - и стих веселый!
Тот спасен, кто любит их
В светлый час и в час тяжелый!

А кто любит их - мягка
В том душа и незлобива,
И к добру она чутка,
И растит его, как нива».

1860

Два беса

В скиту давно забытом, в чаще леса,
Укрылися от бури, в дождь, два беса, -

Продрогшие, промокши от дождя,
Они тряслись, зуб с зубом не сводя.

Один был толст, коротенькие ножки,
А головою - смесь вола и кошки;

Другой - высок, с собачьей головой,
И хвост крючком, сам тонкий и худой.

Тот, как вломился, и присел у печки,
И с виду был смиреннее овечки;

Другой зато метался и ворчал
И в бешенстве зубами скрежетал.

«Ну уж житье! - ворчал он. - Мокни, дрогни,
И всё одно, что завтра, что сегодня!

Ждать мочи нет! Уж так подведено,
Что, кажется, всё рухнуть бы должно, -

Ан - держится! - Он плюнул от досады. -
Работаешь, и нет тебе награды!»

Толстяк смотрел, прищуря левый глаз,
Над бешеным товарищем смеясь,

И молвил: «Эх, вы, бесы нетерпенья!
Такой ли век теперь и поколение,

Чтоб нам роптать? Я каждый день тащу
Десяток душ - сам цел и не грущу!

То ль было прежде? Вспомни хоть, как секли
Святые вас! Здесь выпорют, а в пекле

Еще потом подбавят, как придешь!
И вспомнить-то - кидает в жар и дрожь!

На этом месте, помню я, спасался
Блаженный. Я ль над ним не постарался!

Топил в болотах, по лесам
Дней по пяти кружил; являлся сам,

То девицей являлся, то во звере -
Он аки столб неколебим был в вере!

Я наконец оставил. Заходить
Стал так к нему, чтобы поговорить,

Погреться. Он, бывало, тут читает,
А я в углу. И вот он начинает

Мне проповедь: не стыдно ли, о бес,
Ты мечешься весь век свой, аки пес,

Чтоб совратить людей с пути блаженства!..
Ах, говорю я, ваше, мол, степенство,

Чай знаете, я разве сам собой?
У каждого у нас начальник свой,

И видишь сам, хоть из моей же хари,
Какая жизнь для подначальной твари!

Да я б тебя не тронул и вовек, -
Ан спросят ведь: что, оный человек

Сияет всё еще, свече подобно?
Да на спине и выпишут подробно,

Зачем еще сияет!.. Вот и знай,
И нынешний народ ты не ругай!

Где к кабаку лишь покажи дорогу,
Где подтолкни, а где подставь лишь ногу -

И все твои!..» - «Эх, вы, - вскричал другой, -
Рутин! Ветошь!.. Век бы только свой

Вам преть вокруг купчих, чтоб их скоромить
Иль дочек их с гусарами знакомить!

Не то уж нынче принято у нас:
Мы действуем на убежденья масс,

Так их ведем, чтоб им ни пить, ни кушать,
А без разбору только б рушить, рушить!

В них разожги все страсти, раздразни,
Все заповеди им переверни:

Пусть вместо «не убий» - «убий» читают
(Седьмую уж и так не соблюдают!).

«Не пожелай» - десятая - пускай
Напишут на скрижалях: «пожелай», -

Тут дело о принципах. Пусть их сами
Работают, подтолкнутые нами!

Об нас же пусть помину нет! Зачем!
Пусть думают, что нас и нет совсем,

Что мы - мечта, невежества созданье,
Что нам и места нет средь мирозданья!

Пусть убедятся в этом... И тогда,
Тогда, любезный друг, придет чреда,

Мы явимся в своем природном виде,
И скажем им: «Пожалуйте»«...

Вы примете, читатель дорогой,
За выдумку всё сказанное мной, -

Напрасно! Видел всё и слышал это
Один семинарист. Он шел на лето

Домой, к отцу, - но тут главнейше то -
Он, в сущности, не верил ни во что

И - сапоги на палке - шел, мечтая,
Что будет светом целого он края...
О братьях, сестрах - что и говорить!
Одна беда - со стариком как быть?

А старикашка у него чудесный,
Сердечный - но круг зренья очень тесный,

Понятия давно былых веков:
Он верил крепко - даже и в бесов.

Так шел он, шел - вдруг туча налетела,
И по лесу завывало, загудело;

Дождь хлынул, - как, по счастью, глядит:
Тут, в двух шагах, забытый, старый скит, -

Он в келийку и за печь, следом двое
Бесов, и вам известно остальное.

Что он их видел - он стоял на том!
И поплатился ж, бедненький, потом!

Товарищам за долг почел открыться.
А те - над ним смеяться и глумиться;

Проникла весть в учительский совет,
Составили особый комитет,

Вошли к начальству с форменным докладом -
Что делать, мол, с подобным ретроградом,

Что вообще опасный прецедент, -
И напоследок вышел документ,

Подписанный самим преосвященным:
«Считать его в рассудке поврежденным».

1876

Западная Русь

*посвящается западнорусским
братствам*

Великолепные костелы,
Где блещет яхонт и янтарь,
И раззолоченный, тяжелый,
Огнями залитый алтарь.

Паны коленопреклоненны,
Ксензд, потрясающий крестом,
Вопят в молитве изступленной:
«Да грянет Бог Своим судом!

Да окрылит на бой их рати
Против московских мужиков,
Что в сонмы европейской знати
Взошли по лестнице чинов!

Да снова Речи Посполитой
Он даст им гордыя права, -
И не смутит уж хлоп забитый
Панов веселых торжества!..»

А там, вдали, другие храмы -
Лачуги с погнутым крестом!
Там *хлопы* молятся, там - *хамы*,
С их *подлым* русским языком!

Там - гниль и ветошь! Мрак и сыро!
И причащается там хлоп
Из оловянного потира,
И в крашенинной ризе поп!

Но духом церкви первобытной
Все дышит в бедных здесь стенах,
И также бродит ненасытный
Вкруг этих стен исконный враг;

И эти верные всечасно,
Дрожа за ветхий свой алтарь,
О том лишь молят, молят страстно,
Чтоб вспомнил их и русский Царь,

И русский люд, перед которым
Вотще слеза не пролита,
Который, под земным позором,
В убогом нищем - чтит Христа...

1863

М. Н. Каткову

1

Мы - москвичи! Что делать, милый друг!
Кинь нас судьба на север иль на юг -
У нас везде, со всей своею славой,
В душе - Москва и Кремль золотоголовый;
В нас заповедь великая жива,
И вера в нас досель не извелася,

На коих древле создалась Москва
И чрез нее - Россия создалась.
Там у гробов иерархов и царей,
Наметивших великие ей цели,
Они видней, и ты поймешь ясней,
Куда идти, и как мы шли доселе,
И отчего во дни народных бед,
И внешних бурь, и всякого шатанья,
Для всей Руси как дедовский завет
Родной Москвы звучало увещанье.
Храни ж его, отцов завет святой,
Как Ермоген в цепях, в тюрьме сырой, -
И в жизни путь всегда увидишь правый,
И посрамишь всяк умысел лихой,
Всяк вражий ков и всяк соблазн лукавый.

1867

2

«Что может миру дать Восток?
Голыш, - а о насущном хлебе
С презреньем умствует пророк,
Душой витающий на небе!..» -
Так гордый римлянин судил
И - пал пред рубищем Мессии...
Не то же ль искони твердил
И гордый Запад о России?
Она же верует, что несть
Спасенья в пурпуре и злате,
А в тех немногих, в коих есть
Еще остаток благодати...

Июль 1887

Перед войной

«По местам! По местам!» - грозный оклик идет...
Поднялся старый наш воевода,
Поднялся и над Русью летит и зовет,
И все чуют - идет, знать, невзгода!

«По местам! По местам!» - воевода зовет. -
Всяк радей государеву делу -
Веру твердо держи, совесть чисту и белу,
Ибо час настает, настает!..

Враг могуч и хитер: по местам, по местам!
И настороже око и ухо:
Бой повсюду пойдет, по земле, по морям
И в невидимой области духа».

1870

Вопрос

Мы все, блюстители огня на алтаре,
Вверху стоящие, что город на горе,
Дабы всем виден был; мы, соль земли, мы, свет,
Когда голодные толпы в годину бед
Из темных долов к нам о хлебе вопиют, -
О, мы прокормим их, весь этот темный люд!
Чтобы не умереть ему, не голодать -
Нам есть что дать!

Но... если б умер в нем живущий идеал,
И жгучим голодом духовным он взалкал,
И вдруг о помощи возопиял бы к нам,
Своим учителям, пророкам и вождям, -
Мы все, хранители огня на алтаре,
Вверху стоящие, что город на горе,
Дабы всем виден был и в ту светил бы тьму, -
Что дали б мы ему?

1874

Во время войны 1877 - 1878 года

2

К картине Айвазовского

Воздушный этот крест - ты понял - он всегда
С таинственных высот всегда сиял над нами!..
Он шел пред нашими полками,
Как Вифлеемская звезда
В чудесную ту ночь, пред теми пастухами,
Что первые приветствовать пришли
Благую весть любви и мира на земли...

Он вел нас за Дунай, в трудах во дни и ночи,
На высоты Балкан, гоня пред нами тьму...
И падших, с поля битв, тускнеющие очи
С последнею мольбой стремились к нему...

Сиял он - над простым, походным лазаретом,
В сердца тех чудных жен, что, бросив дом и кров
И негу и покой, - простились со светом
И погреблись в труде -святейшем из трудов...

Он - вождь наш искони; и, им лишь предводима
И чувствуя его сиянье над собой,
Как Божье воинство, с безтрепетной душой,
Русь от начала лет поднесь непобедима.

* * *

Вот с резной кафедры грозно
Держит речь к толпе монах
И к огромному распятью
Припадает весь в слезах.

«Се Страдалец! - восклицает -
Острый терн чело язвит!
Се Божественные ребра!
Кровь ручьем из них бежит!

Он за вас приемлет муки!
Вам же трудно для него
Обуздать порывы плоти,
Страсти сердца своего!..»

И толпа вокруг рыдает,
Всё готова обуздать, -
Лишь бы, выйдя вон из храма,
Черных глаз не повстречать.

Разрушение Иерусалима

Ущельем на гору мы шли в ту ночь, в оковах.
Уже багровый блеск на мутных облаках,
Крик пролетавших птиц и смех вождей суровых
Давно питали в нас зловещий, тайный страх.

Идем... И - ужас! - вдруг сверкнул огонь струею
На шлемах всадников, предшествовавших нам...
Пылал Ерусалим! Пылал священный Храм,
И ветер пламя гнал по городу рекою...

И вопля наши вдруг в единый вопль слились...
«Ах, мщенья, мщенья!..» Но дико загремели
Ручные кандалы... «О Бог отцов! ужели
Ты медлишь! Ты молчишь!.. Восстань! Вооружись

В грома и молнии!..» Но всё кругом молчало...
С мечами наголо, на чуждом языке
Кричала римская когорта и скакала
Вкруг нас, упавших ниц в отчаянной тоске...

И повлекли нас прочь... И всё кругом молчало...
И Бог безмолвствовал... И снова мы с холма
Спускаться стали в дол, где улегалась тьма,
А небо на нее багряный блеск роняло.

* * *

О царство вечной юности
И вечной красоты!
В твореньях светлых гениев
Нам чувствуешься ты!

Сияющие мраморы,
Лизипп и Пракситель!..
С бессмертными мадоннами
Счастливый Рафаэль!..

Святая лира Пушкина,
Его кристальный стих,
Моцартовы мелодии,
Всё радостное в них -

Всё то - не откровенья ли
С надзвездной высоты.
Из царства вечной юности
И вечной красоты?..

1883

* * *

Чужой для всех,
Со всеми в мире -
Таков, поэт,
Твой жребий в мире!

Ты - на горе,
Они - в долине;
Но - Бог и свет
В твоей пустыне.

Их дух привык
Ко тьме и ночи,
И голый свет
Им режет очи, -

Но ведь и им,
На самом пире,
Им нужно знать,
Что есть Он в мире,

Что где-нибудь
Еще Он светит,
Что воззовёшь -
И Он ответит!

1872

* * *

Окончен труд - уж он мне труд постылый.
Как будто кто всё шепчет: погоди!
Твой главный труд - еще он впереди,
К нему еще ты только копишь силы!
Он облачком чуть светит заревым,
И всё затмит, все радости былые, -
Он впереди - святой Ерусалим,
То всё была - еще Антиохия!

1887

* * *

«Не отставай от века» - лозунг лживый,
Коран толпы. Нет: выше века будь!
Зигзагами он свой свершает путь,
И вкривь, и вкось стремя свои разливы.
Нет! мысль твоя пусть зреет и растёт,
Лишь в вечное корнями углубляясь,
И горизонт свой ширит, возвышаясь
Над уровнем мимобегущих вод!
Пусть их напор неровности в ней сгладит,
Порой волна счастливый даст толчок, -
А золота крупинку мчит поток -
Оно само в стихе твоём осядет.

1889

Перечитывая Пушкина

Его стихи читая - точно я
Переживаю некий миг чудесный:
Как будто надо мной гармонии небесной
Вдруг понеслась нежданная струя...

Нездешними мне кажутся их звуки:
Как бы, вляясь в его бессмертный стих,
Земное всё - восторги, страсти, муки -
В небесное преобразилось в них!

1887

Рассказ духа

(Отрывок)

...И как же умирал ты? Как свершился
Ужасный этот переход из здешней
К загробной жизни?..

...И на вопрос мой начал дух:

... «Боль унялася, и я вдруг
Почувствовал» иль лучше - догадался,
Что умираю. Несказанный страх
Меня объял. Всё близкое, земное
Передо мной исчезло. Страх один -
И точно враг *извне* - меня борол.
А *изнутри* меня - я живо помню -
Живое нечто бросилось с ним
Бороться и отстаивать меня -
И этого б союзника я назвал
Надеждой: так, быть может, стала б мать
За своего ребенка биться...
Ум между тем - он бодрствовал и жадно
Среди борьбы их вглядывался, слушал.
И отстранял их, силясь проглянуть
Вперед, глубоко, в даль и бесконечность.

Но тьмы завеса перед ним лежала.
Я думал: миг еще - и тьма меня
Охватит и удушит... Но внезапно
Надежда, страх - всё смолкло. Впереди
Завеса дрогнула и расступилась.
И вокруг меня всё - люди и предметы
Каким-то чудным озарились светом,
Который им как бы прозрачность придал, -
И этот свет шел сверху - и ужасен
Мне в первый миг казался. «Это - Смерть? -
Я спрашивал себя. - Нет, быть не может!..»
И всё не верил, и глядел упорно
В ужасную зарю - и ждал, всё ждал, -
А между тем давно уж совершилось -
Всё кончено - я понял наконец,
И уж *извне* смотрел на труп свой - и
Был поражен загадочной улыбкой,
Застывшей на губах: как будто в ней
Навек отпечатлелся переход
От изумленья к радости... Рыданья
Раздались вокруг - о, милые мои!
Как мне хотелось их обнять, утешить,
Сказать им, что я пережил, - но тщетно -
И было мне их жаль...

1876

* * *

Ты говоришь, у тебя нет врагов - извини, не поверю:
Столько ты сделал добра! столько помог! столько спас!
Знай: благодарность для низкой души - нестерпимое бремя -
Ну, а высоких-то душ - много ль ты знаешь?..
Сочти!

1891

Из письма

Миг внезапных откровений,
Миг, - когда в душе твоей
Новых чувств пробил источник,
Новый свет явился в ней;
Миг, - когда восторжествует
Ангел твой над сатаной;
Миг - святого умиленья
Человеческой душой -
Всё - лишь миг!.. Но с ним зажглася
Над тобой еще звезда,
И лучом своим пронизжет
Все грядущие года...
Дай Господь таких мгновений
Вам что звезд на небесах,
Чтобы радовалось сердце
В перекрестных их лучах!

1889

Последняя песнь поэта

Из Х. К. Андерсона

Час пришел - так бери же, неси меня, Смерть,
В беспредельные области духа!
Без расспросов - куда? я прошел путь земной,
Изволением свыше ведомый...
Что я людям давал, - я давал не своё,
А что было мне подано свыше,
И не знал, не считал, не ценил, что даю.
Пел, как Божья в поднебесье птичка...
До свиданья ж, друзья! Мир цветущий, прощай!
С благодарной душой вас покину -
Славя Бога за всё, что мне дал - что мне даст -
В бесконечном пути к совершенству!..
Уноси ж меня, Смерть, над пучиной времён,
Ближе - ближе все - к Вечному Свету!

Из Апокалипсиса

Глава 4

Виденье было мне: внезапно небо
Разверзлося, и глас, трубе подобный,
Подобный шуму многих вод падающих,
Мне рек: взойди сюда и виждь, что будет.
И я узрел - престол. На нем Сидящий

Сиял, как аспид-камень или сардис.
И радугой смарагдовой престол
Был окружен, и двадесять четыре
Вокруг него других престола было,
И двадесять четыре восседало
На оных старца, в белых одеяньях
И со златыми на главах венцами.
И от престола исходили громы,
И молнии, и гласы, и горели
Семь огненных светильников пред ним.
И пред престолом было словно море
Стеклянное, и вокруг него четыре
Животных, испещренные очами.
И первое подобно было льву,
Тельцу - другое, третье же имело
Лик человеческий, а остальное -
Летящего орла имело вид.
И по шести они имели крыл,
И день и ночь зывали: «Свят, свят, свят
Господь Бог Вседержитель ныне, присно
И вовеки веков». Когда ж зывали -
С своих престолов поднимались старцы,
И поклонялися, и полагали
Свои венцы перед большим престолом,
И говорили: «Ты еси достоин,
Господь, прияти славу, честь и силу,
Бо сотворил Ты всё и всё содержишь,
И волею Твоей всё существует».

Глава 5

И видел я: Сидящий держит книгу,
И книга та исписана снаружи
И изнутри. И семь на ней печатей.
И громким гласом Ангел спросил:
«Кто оную открыть достоин книгу
И сняти с оной семь ее печатей?»
И никого достойных не явилось
Ни на земле, ни на небе, и плакал
Я, что достойных нет ее открыть.
Тогда один из старцев мне сказал:
«Не плачь: се лев, исшедший из колена
Иудина и корени Давида,
Что победил, - Он разогнути книгу
И сняти семь ее печатей может».
И я взглянул - и видел: меж престола
И четырех животных и средь старцев
Стоит как бы закланный Агнец, семь
Рогов и семь имеющий очес.
Он, подошед, взял книгу из десницы
Седящего - и пали перед Агнцем

Животные и старцы, каждый гусли
Держащие и золотые чаши,
Из коих фимиам курился (а то были
Святых мольбы). И новую они
Воспели песнь: «Достоин взять Ты книгу
И снять с нее печати: был заклан
И искупил Своей нас Кровью, всех,
Из всякого колена и народа,
И племени, и языка, и стали
Мы Господу иереи и цари,
И на земле Тобою воцаримся».
И видел я, и слышал голос многих
Окест престола Ангелов, животных
И старцев (их число же бысть тьмы тем),
И возглашали все: «Достоин Агнец
Закланный честь приять, премудрость, силу,
Богатство, славу и благословенье!»
И всякое создание на небе
И на земле, и под землей, и в море,
Вся сущая в них говорили: «Слава,
И честь, и крепость, и благословенье
От всех Тебе, Сидящий на престоле,
И Агнцу ныне, присно и вовеки!»
И изрекли животные: «Аминь»,
И двадцать четыре старца пали
И поклонились Сущему вовеки.

Глава 6

И видел я, что первую печать
Снял Агнец, - и одно из четырех
Животных мне сказало громким гласом:
«Иди и виждь». И видел я: конь, бел.
На оном всадник держит лук, и дан
Ему венец, и шел как победитель,
Чтоб побеждать.

Вторую снял печать Он -
Второе мне животное сказало:
«Иди и виждь». И видел я: конь рыж.
На оном всадник послан был, чтоб мир
С земли унести, - да убьют друг друга.
И дан ему большой был меч.

И третью
Он снял печать, и третье мне сказало
Животное: «Иди и виждь». И-се:
Конь вороной. Держал мерило всадник.
И слышал я среди животных голос:

«Хеникс¹ пшеницы за денарий. Три
Хеникса ячменя - денарий тоже.
Елея ж и вина не повреждай».

Четвертую печать Он снял, и мне
Четвертое животное сказало:
«Иди и виждь». И я взглянул: конь бледен.
На оном всадник - Смерть. И целый ад
За нею шел. Ей власть была дана
Над четвертью земли, чтоб умерщвлять
Людей мечом, и голодом, и мором,
И всякими зверьми земными.

Снял

Он пятую печать, и я увидел
Под алтарем за слово Божье души
Побитых, возопившие: «Доколе,
Святой Владыко Истинный, не судишь
За нашу кровь живущих на земле!»
И белые даны им были ризы,
И сказано, да починут, покуда
Сотрудники и братья их не примут
Такую ж смерть и тем число пополнят.

Шестую снял печать Он, и я видел:
Восколебалася земля. И солнце,
Что вретисце, потускло. И луна
Кровавой стала. Звезды с небеси
Посыпались, как сорванные ветром
Незрелые плоды со смоковницы,
И небо скрылось, свившись, как свиток,
С великим шумом. Всякая гора
И остров сдвинулись с мест своих,
И все цари земные и вельможи,
Богатые и бедные, рабы
И вольные - укрылись в пещеры
И слезно говорят горам и камням:
«Рассыпьте на нас вы, горы! Скройте
Нас от лица Сидящего на троне
И гнева Агнца! Се грядет день страшный,
День гнева и суда! Кто устоит!»

Глава 7

И четырех я Ангелов узрел,
На четырех концах земли стоящих
И держащих земных четыре ветра,
И власть имевших оными ветрами
Морскую хлябь и сушу истязать.

---

¹ Мера.

И пятый Ангел от страны восточной
Восшел и кликнул им: «Не повреждайте
Ни древ, ни трав, ни моря, ни земли,
Доколь мы на чело рабов Господних
Печати не положим!..» И число
Запечатленных слышал я: сто сорок
Четыре тысячи от всех колен
Израиля; и сверх того несчетно
Людей из всех племен земных стояло
Перед престолом и пред Агнцем, в белых
Одеждах, с ветвями от пальм в руках.
И восклицали все: «Хвала Тебе,
Сидящий на престоле! Слава Агнцу,
Бо чрез Него имеем мы спасенье!»
И Ангелы, которые стояли
Вокруг престола, старцев и животных,
На лица пали, поклонясь престолу
Господнему, и изрекли: «Аминь!
Благословение, и честь, и слава,
Благодаренье, сила и премудрость,
И крепость Богу нашему вовеки».
И обратясь ко мне, един из старцев
Спросил: «Кто эти в белых одеяньях,
Откуда изошли?» Я отвечал:
«Тебе знать, господине!» И сказал он:
«Сии прешли через велики скорби;
И одеяния свои омыли
И убелили честной Кровью Агнца;
Чрез то стоят перед престолом Божьим
И служат день и ночь Ему во храме;
И Он Собой их как шатром покроет;
И уж они не взалчут и не вжаждут;
Не поपालит уж их ни зной, ни солнце,
Бо Агнец их пасти бездремно будет,
И на источник вод живых водить,
И всякую слезу сотрет с очей их».

Глава 8

Седьмую Агнец разломил печать -
И сделалось безмолвие на небе
Как бы на полчаса. И видел я:
Семь Ангелов стоят перед престолом,
И им дано семь труб. И кроме их
У алтаря еще, с златым кадилом,
Был Ангел. Оному дай фимиам,
Чтобы его с молитвами святых
Он возложил на жертвенник Господень.
И дым восшел от жертвенника к Богу»
Он взял потом кадило, и наполнил
Огнем от алтаря, и опрокинул -

И в воздухе раздались гласы, громы,
И молнии взвились, и потряслась
От них земля; семь Ангелов же, трубы
Поднявши, приготовились трубить.

И первый Ангел вострубил - и долу
Пал град и пламя, смешанные с кровью, -
И третья часть земли и древ от них,
И вся трава зеленая - сгорели.

И вострубил второй: как бы гора,
Огнем горящая, низверглась в море -
И моря третья часть вдруг стала кровью,
И третья часть созданий, в нем живущих,
И третья часть судов на нем - погибли.

И третий Ангел вострубил - и пала
Звезда, свече подобная, на землю,
На третью часть источников и рек -
«Полынь» звезде сей имя, - и полынью
Их воды потекли, и умирали
Все пившие от сих прогорклых вод.

И вострубил потом четвертый Ангел:
И третья часть луны, и звезд и солнца
Затмилась, и от дня и ночи свету
Убавилось на треть. И видел я:
По небу Ангел полетел, взывая
К земле: «О горе, горе, горе всем
От остальных трех трубных голосов
Трех Ангелов, имеющих трубить».

Глава 9

И пятый вострубил. И видел я:
Упала с неба на землю звезда.
Ей дан был ключ, чтоб кладезь бездны вскрыть, -
И вскрылся кладезь бездны, и исшел
Из оной дым, как из печи, и солнце
И небеса от оногo потускли.
И выпала с тем дымом саранча,
И сказано ей было: не вредить
Ни трав, ни древ, ни злаков, - но людей,
Печатью Бога не запечатленных,
Язвить и жалить, аки скорпионы,
И мучить их пять месяцев, но токмо
Не убивать. И взжаждут смерти люди,
Пойдут искать ее - и не найдут...
Та ж саранча подобна с виду коням,
На битву снаряженным. Голова
Как бы с золотым венцом. Лицо ж ее -

Как человеческие лица. Зубы
Подобны львиным. Косы как у женщин.
На теле словно как стальные брони,
А шум от крыл - как стук от колесниц,
На брань везомых множеством коней;
Хвосты же, как у скорпионов, с жалом.
И, яко царь, ее вел Ангел бездны,
Зовомый по-еврейски Аввадон,
По-гречески ж Аполлион (губитель).
Се первое минуло горе. Вслед
За ним грядут еще два новых, горших.

Шестой Господень Ангел вострубил.
И я услышал громкий глас из рога,
Единого из четырех рогов,
Которыми снабжен алтарь был Божий.
Он Ангелу трубившему изрек:
«Четыре Ангела стоят и ждут,
Окованные, при реке Евфрате:
Сними с них узы». И разбил он узы.
И - ждавшие сего часа, и дня,
И месяца, И года - устремились
Четыре Ангела, чтоб третью часть
Людей убить. И было две тьмы тем, -
Сие число я слышал, - с ними войска.
То были всадники в горящих бронях,
Имевших цвет огня, и гиацинта,
И серы. Кони ж с львиной головой;
Из пасти их огонь, и дым, и сера
Клубами исходили, а хвосты
Кончались змеями, - и гибли люди
От змей и дыма, пламени и серы, -
И треть из них сим образом погибла.

Которые ж остались и зрели
Сии бичи - пребыли яко слепы;
И не покаялись в делах своих;
И кланялись по-прежнему бесам
Серебряным, и золотым, и медным,
И каменным, и всяким истуканам.
Руками сотворенным, не могущим
Ни видети, ни слышать, ни ходить;
И не покаялись в своих убийствах,
Ни в блуде, ни в татьбе, ни в волхвованье.

Глава 10

И се, нисшел еще от неба Ангел...
Как облако его клубились ризы;
Над головою радуга блистала;
Лицо ж что солнце у него, а ноги,

Как огненные два столба, горели;
В руке держал развернутую книгу;
И правую ногой ступил на море,
А левую на землю, и воскликнул
Он грозным гласом, как рыкает лев.
Когда ж воскликнул, семь громов тогда
По всей вселенной подали свой голос.
Когда же громы подали свой голос,
Хотел писать я, но услышал с неба
Глас, говоривший: «Скрой и не пиши
Того, что семь громов проговорили».
И Ангел, тот, которого я видел
Стоящим на море и на земле,
Воздвиг десницу на небо и клялся
Сотворшим небо и что в нем, и землю
И что на ней, и море и что в нем, -
Что времени отсель уже не будет...

1868

* * *

Любил я в детстве сумрак в храме,
Любил вечернею порой
Его, сияющим огнями,
Перед молящейся толпой.
Любил я Всенощное бдение,
Когда в напевах и словах
Звучит покорное смирение
И покаяние в грехах.
Безмолвно, где-нибудь в притворе,
Я становился за толпой,
Я приносил туда с собой
В душе и радости, и горе.
И в час, когда хор тихо пел
О «Свете Тихом,» — в умиленьи
Я забывал свои волненья
И сердцем радостно светлел...
Прошли года, прошли надежды,
Переменились мечты.
В душе уж нет теперь, как прежде,
Такой сердечной теплоты.
Но те святые впечатленья
Над сердцем властны и теперь,
И я без слез, без раздраженья
Переживаю дни сомненья,
Дни оскорблений и потерь.

Мгновенье

Есть для души священные мгновенья;
Тогда она чужда земных забот,
Просветлена лучом преображенья
И жизнью небесною живет.

Борьбы уж нет; стихают сердца муки;
В нем царствует гармония и мир —
И стройно жизнь перелилася в звуки,
И зиждется из звуков новый мир.

И радужной блестит тот мир одеждой,
Им блеск небес как будто отражен;
Все дышит в нем любовью и надеждой,
Он верою, как солнцем освещен.

И зрим тогда незримый Царь творенья;
На всем лежит руки Его печать;
Душа светла... В минуту вдохновенья
Хотел бы я на Божий суд предстать!

Ответ Л.

Нет, то не Муза, дочь небес,
Что нас детьми уж дразнит славой!
То злобный гений, мрачный бес,
То сын погибели лукавый
К нам, улыбаясь, предстает,
Пленит нас лирою заемной,
И поведет, и понесет,
И пред тобой уж тартар темный,
Но ты летишь в него стремглав,
Без рассужденья, без сознанья,
В душе, увы! давно поправ
Любви и веры упованья,
Не признавая ничего
И, бесу в радость и забаву,
За ведающую славу
Кляня и мир, и Божество!

Нет, Муза - строгая богиня:
Ей слава мира - тлен и прах!
Ей сердце чистое - святыня,
И ум, окрепнувший в трудах!
В жизнь проникая постепенно,
И в глубину, и в высоту.
Она поет Отцу вселенной
С своею лирой умиленной
Его творений красоту!

1887

Кантата,
исполнявшаяся на парадном обеде
в день венчания на царство е. и. в. государя императора
Александра Александровича

(Отрывок)

Мне ли, Господи,
Мне ль по силам Ты
Тяжкий крест даёшь!
Недостоин есмь
Твоя любви!
Разве Ты мне дашь
Силу крепкую...
Умудришь меня
Своей мудростью...
Я как верный раб
Предаюсь Тебе
И готов в огонь
И во всяку скорбь,
Ибо дорог мне
Не земной почёт
А Христов венец.

1881